

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.6
УДК 316.4, ББК 60.524

© Шубрт И.

Размышления о понятии «кризис»

**Иржи
ШУБРТ**

доктор философии, доцент, Карлов университет, Факультет гуманитарных исследований, заведующий кафедрой исторической социологии (Чехия, г. Прага, Jiri.subrt@fhs.cuni.cz)

Аннотация. В предисловии к книге «Кризис нашего времени» ее автор Питирим Александрович Сорокин заявляет, что «важнейшая сторона жизни, организации и культуры западного общества находится в сильнейшем кризисе». И с голосом пророка продолжает: «Его тело и дух больны, и вряд ли на его теле еще можно найти местечко, которое не было бы больным» [Sorokin, 1948 (1942): 7]. Сорокин, безусловно, не был единственным, кто воспринимал свою современность как кризисную. О многих аспектах «кризисности» своего времени еще в конце XIX в. писал Т.Г. Масарик. В начале XX в. кризис культуры изучал Георг Зиммель [Simmel, 1983], Зигмунд Фрейд предостерегал об опасном потенциале человеческой деструктивности, Освальд Шпенглер оглашал «закат Европы» [Spengler, 2011], а Йозеф Алоиз Шумпетер заявлял, что циклические проявления экономических кризисов¹ относятся к экономике так же, как сердцебиение к живому организму. В то время как Адольф Гитлер укрепляет свою власть, Эдмунд Гуссерль [Husserl, 1972] читает лекции о «кризисе европейских наук», а Жорж Фридманн говорит о «кризисе прогресса» [Friedmann, 1937]. Тема кризиса удерживает свою релевантность и специфическое положение в контексте социальных наук и после Второй мировой войны, когда часто обсуждаемой темой становится вопрос политических и международных кризисов. С 1970-х гг. широко дискутируемым становится энергетический кризис (нефтяной фок) и экологический кризис. Конец 80-х гг. приносит с собой крах социалистической системы, а с приходом постмодернизма акцентируется тема кризиса идентичности. И это еще не всё: предостерегающие и критические видения того времени усиливаются и благодаря другим понятиям, которые очень быстро становятся составной частью концептуального багажа социальных ученых из многих стран мира — это понятия «риск», «катастрофа» и «коллапс».

¹ Существование экономических циклов впервые подметил и описал французский экономист Клемент Жугляр в 60-е гг. XIX в.

Ключевые слова: понятие кризиса, проявления кризисных ситуаций, циклы развития, кризис в обществе, теории социальных изменений, разрешение кризисных ситуаций.

К этимологии и семантике понятия «кризис»

Корни понятия «кризис» исходят из греческого языка. Выражение «*krisis*» произошло от глагола «*krino*», который означал отделить, выбрать и порешить между двумя противоположными вариантами, жизнью и смертью, удачей и неудачей [Koselleck, 1992: 47; Koselleck, 2006: 203]. Само слово «*krisis*» обозначает опасное состояние, тяжелую решающую минуту, принципиальный момент, в котором решается вопрос (о результате, о последующем существовании, о последующем развитии), минуту, в которой люди ощущают неуверенность, замешательство и затруднение.

Распространение понятия «кризис» является заслугой прежде всего гиппократовской медицины, в которой при помощи данного понятия обозначается краткий период в течении болезни, в котором решается вопрос о том, будет ли пациент жить или он умрет. Фукидид использовал это понятие для изображения политических ситуаций и военных столкновений [Prisching, 1986: 19; Koselleck, 2006: 204], оно также стало одним из основных составляющих драмы или литературного произведения, в котором изображаемый сюжет кульминирует; в классической драме оно происходит от столкновения противоположных сил и тенденций.

В XVII и XVIII вв. происходит распространение понятия «кризис» в значении сложной решающей минуты в рассуждениях того времени о политике и войне. Не позднее чем до Французской революции это понятие, как считает Райнхарт Козеллек, становится центральным интерпретационным инструментом политической и социальной истории и, таким образом, оказывается между основными

историческими понятиями [Koselleck, 2006: 206]. В XIX в. появляется выражение «экономический кризис», которое обозначает коренное, отчетливое ухудшение состояния экономики.

Козеллек, которого интересует кризис прежде всего в качестве одного из основных понятий, при помощи которых мы пытаемся понять историю, обозначает три семантические модели, в которых до сих пор выступало данное понятие [там же: 207-213; Koselleck, 1992: 50-52].

Первую модель автор объясняет при помощи высказывания Шиллера: «Мировая история является судом над миром», который, по его мнению, выражает «некое временное имманентное подобие последнего суда, проходящего постоянно и неустанно» [Koselleck, 2006: 208]. В данном понятии история рассматривается и интерпретируется как непрерывно продолжающийся кризис. Само понятие «кризис» здесь становится процессуальной категорией, при помощи которой выражается постоянная, неизменная черта человеческой истории.

Во втором случае кризис связан с пересечением рамок разных эпох, с бурным переходом от одного этапа к другому. Речь идет об итерационном понятии, в соответствии с которым кризис периодически появляется в истории как некое «динамо» развития или прогресса. В данном случае кризис воспринимается как одноразовый, ускоряющийся процесс, в котором из деструкции существующей системы рождается и развивается новая ситуация.

В рамках данного понятия над проблематикой исторических кризисов в XIX в. размышлял историк Якоб Буркхардт [Burckhardt, 1971 (1873): 125-160].

В третьем варианте кризис воспринимается в качестве конечного кризиса исто-

рии, метафорически говоря, как ее «судный день» или «Grande Crise Finale» [Koselleck, 2006: 212]. Козеллек констатирует, что в данном случае кризис, в отличие от предыдущих понятий, является понятием «чисто будущего характера», связанным с определенным ожидаемым «последним решением», после которого история будет выглядеть совершенно иначе, чем прежде. Данное понятие, по мнению этого автора, в XIX в. носило утопичный характер, однако «при современных средствах, позволяющих самоуничтожение, у него есть все шансы для того, чтобы осуществиться» [Koselleck, 1992: 51].

Риск, кризис, катастрофа и коллапс

В сегодняшних социальных науках кризис в особенности близок к таким понятиям, как «риск», «катастрофа» и «коллапс». Речь идет о терминах, очень часто служащих для выражения опасений, которые в определенных случаях даже принимают апокалипсические размеры. Риск обычно связывают с тем, что может предшествовать кризису и воздействовать на его возникновение; катастрофа или коллапс, напротив, связывают с результатом, к которому может привести развитие факторов риска или неконтролируемого кризиса. Таким образом, кризис воспринимается в качестве того, что прямо предшествует катастрофе или коллапсу, создает и вызывает их. Катастрофа и коллапс, в свою очередь, воспринимаются как некая высшая фаза или финальная стадия кризиса, как негативная кульминация кризисного развития. Катастрофа, по сути, может восприниматься как синоним коллапса, или же коллапсом можно считать такую катастрофу, которая обладает абсолютно разрушительным характером.

Понятие «риск» стало популярным, а широко известной эта проблема становится во второй половине 1980-х гг. благодаря

прежде всего Ульриху Беку [Beck, 2004 (1986)], который формулирует тезис, согласно которому современное индустриальное общество продуцирует как неосознанное следствие своего экономического роста и технического развития такой риск, который превышает меру терпимости и становится самоуничтожающим азартом. Общество, создающее опасность и риск в массовых масштабах, является «обществом риска».

Британский социолог Энтони Гидденс [Giddens, 2000: 33-50] констатирует, что концепция риска берет свое начало в страховой системе, которая родилась в связи с морскими плаваниями XVI и XVII вв. Риск – это потенциальная опасность, это что-то, что может, но не обязательно должно настать. Изначально это понятие относилось к опасности, которую связывали с преодолением значительных расстояний в пространстве. Позже его применили к банковским операциям и инвестиционной деятельности, которые связаны со временем и с вероятными последствиями определенных экономических решений.

Таким образом, риск связан с сознанием вероятности и неизвестности. Капитализм, акцентирующий размер будущего таким образом, что беспрестанно подсчитывает будущую прибыль и убытки, неразделимо связан с риском, и поэтому в нем происходит размах в области страховых систем. Благодаря страхованию у людей появляется вера в то, что у них есть возможность воздействовать на будущее и управлять им.

Таким образом, идея риска была с самого начала составной частью модерна, однако характер сегодняшних рисков новый и существенно отличный. Индустриализм XIX в., который выстроил против своих рисков страховую систему, основанную на точном расчете уровня риска и на обоснованном вычислении

возмещения и компенсации возникших убытков, пытался внести в сферу неопределенности и потенциальных угроз определенную рациональность. Однако по отношению к сегодняшним рискам такие защитные меры прошлых лет не работают. Это риски, которые уже нельзя социально ограничить; их новое качество состоит в том, что угрозы уже касаются не какого-то конкретного места (например, промышленного предприятия), а жизни на этой планете во всех ее проявлениях в целом — одним словом, это глобальные риски.

Характерной чертой современных рисков является их «непреодолимость», которая связана со способом, которым они распространяются: они становятся «безбилетными пассажирами нормального потребления. Они путешествуют с ветром и водой, они скрываются во всем и с тем, что наиболее необходимо для жизни, — с воздухом, которым мы дышим, с пищей, одеждой и с домашним обиходом, — они преодолевают все так строго контролируемые защитные зоны модерна» [Beck, 2004: 11].

Следующей важной характеристикой этих рисков является «латентность», т.е. некоторая их «невидимость». Из-за нее мы сталкиваемся с проблемой, которая не была известна в условиях индустриального общества XIX в.: как вообще отличить риски? Для наших врожденных чувств они не постижимы, для их диагностирования необходимы измерительные приборы и научная аппаратура. Угроза и разрушения, которым были подвержены люди в результате аварии атомного реактора в Чернобыле как на самом месте, так и в отдаленных областях, находятся за границами способности человеческого восприятия.

Таким образом, в первую очередь риски нужно выявить и дать им имя. Это задача,

которую часто усложняет не только сам факт их латентности, но и тот факт, что речь идет о высокомногослойных комплексах причин и эффектов, находящихся за границами каждодневного знания. Ключевую роль в их идентификации и определении играет наука. Бек в этой связи переинтерпретирует известное изречение Маркса и констатирует, что в обществе риска «сознание определяет бытие». Риски становятся тем, чем они являются, только благодаря тому, что их распознают эксперты. Однако это правда, что, пока они «научно не признаны, они не существуют, — по крайней мере, не в правовом, медицинском, технологическом и социальном смысле. Значит, они и не подавляются, не преодолеваются и не компенсируются» [Beck, 2004: 95].

Бек говорит о том, что приход общества риска, которое является следствием существования модернизационных рисков, представляет собой коренное общественное изменение, которое, однако же, произошло не открыто, а втайне, формой какой-то «тихой революции»; это переворот без субъекта и без смены элит, влияющий на общую судьбу всех живых существ на этой планете. И если сегодня в результате глобальной взаимосвязи и глобального контекста отдельные типы угроз взаимно переплетаются и усиливаются, то нужно говорить о «мировом обществе риска» [Beck, 1999].

Катастрофа — слово греческого происхождения — обозначает событие, которое негативным образом изменяет предыдущее состояние и ведет к большому ущербу. Теория катастроф развивается как отрасль математики (к основоположникам относятся Рене Том [Thom, 1989]), которая нашла применение и в других дисциплинах, таких как, например, биология, психология или медицина. Следовательно, задуманная теория изучает прежде всего проблему,

каким образом в результате кумуляции небольших эффектов могут произойти важные события катастрофического характера [Buchanan, 2004]. В области социальных наук интерес к катастрофам, в особенности экологического характера, был вызван работой Чарльза Перроу «Normal Accidents: Living with High Risk Technologies» [Perrow, 1984] и далее развился в связи с ориентацией на проблематику модернизационных рисков, которую инициировала работа Ульриха Бека.

Рене Том поднимает и изучает, кроме всего прочего, вопрос о том, всегда ли кризис проявляется при помощи каких-либо видимых знаков или морфологических симптомов. Он констатирует, что в случае живых существ факторы риска остаются относительно незаметными и иногда даже совсем отсутствуют. Это происходит из-за того, что обычно, в то время как функция во время кризиса поддается неблагоприятному воздействию, структура часто остается невредимой [Thom, 1992: 23]. С этой точки зрения, по мнению автора, необходимо принципиально различать кризис и катастрофу. Катастрофа «представляет собой феномен по своей сути хорошо видимый, определенную наблюдаемую дисконтинуальность, совершенно очевидный «факт». Кризис может быть латентным или коварно подкрадывающимся. Достаточно часто он проявляется только в количественном (а не качественном) сбое определенного регулятивного процесса: это <...> случай инфляционного кризиса в экономике. Однако между кризисом и катастрофой существует очевидная взаимосвязь: кризис часто оповещает о катастрофе, предвосхищает или вызывает ее» [там же].

Если катастрофы обладают характером такого упадка или сбоя в системе, который происходит как неуправляемое и неконтролируемое падение, то можно говорить о

коллапсе. В 1988 г. американский археолог Джозеф А. Тейнтер поднял в книге «Коллапсы сложных обществ» вопрос: почему в прошлом пали многие цивилизации, государственные органы или другие сложные формы организации человеческого общества? Автор приводит почти два десятка случаев общественных коллапсов, которые произошли в прошлом (к наиболее известным относится случай государств-городов майя) [Tainter, 2009 (1988)]. Тема, поднятая в этой работе, позднее станет популярной, в особенности благодаря книге Джареда Даймонда [Diamond, 2008], и дискутируется в научной литературе [Taylor, 2008; McAnany, Yoffee, 2010; Bárta, Kovář, 2011]. При этом очевидно, что мотивацией к столь широкому интересу к проблематике коллапсов являются актуальные вопросы, связанные с опасением того, не угрожает ли нечто подобное и нашей современной цивилизации.

Одно понятие – множество разнообразных проявлений

Было сказано, что первоначальное значение понятия «кризис» связано с последней, решающей минутой развития, в которой решается вопрос о бытии или небытии. Люди противостоят кризисам и должны преодолевать их на протяжении многих веков. Они представляют собой нечто наподобие элемента «*conditio humana*» [Úvodem: 5] – того, с чем в своей жизни люди встречаются испокон веков. При этом речь может идти о кризисах единичного, уникального характера, а также о кризисах, которые периодически повторяются. Очень часто кризисы бывают переходным этапом между двумя этапами развития. Причем протекание кризисов может иметь разный характер. В некоторых случаях речь может идти о медленном, плавном или приближающемся процессе, в иных случаях о внезапном и быстром повороте событий. Специфическим образом кризис

воспринимается некоторыми мыслителями как некий атрибут модерна, как что-то, что «генетически» связано с его развитием и с самого начала сопровождает его. В этом смысле признаки кризиса выявляются многими теоретиками постоянно, в течение всей современной истории.

Теории, изучающие кризисы, обычно прослеживают несколько основных проблем, к которым относятся вопросы их причин, движущих сил, индивидуальных и коллективных акторов, структур и функций, причинности и взаимозависимости, закономерности и случайности [Prisching, 1986: 38-58].

О кризисах можно рассуждать на разных уровнях. Речь может идти о кризисах индивидуальной человеческой жизни [Lay, 1980: 175-181], которые изучаются естественными науками и психологией, или же о кризисах семейных или межчеловеческих отношений.

Социальные науки интересуются прежде всего кризисами в обществе. Они могут иметь частичный характер и касаться отдельных областей жизни общества или же отдельных общественных подсистем (экономика, политика, религия, культура, наука), а также речь может идти о кризисах целостного, комплексного (национального, общественного) характера. В наиболее широком масштабе кризисы могут проявляться как кризисы международного (мирового, глобального) характера.

Поль Рикер говорит о «региональных» понятиях и об «общем» понятии кризиса. В своем анализе он задумывается над несколькими «очагами», из которых исходит «региональное» использование этого термина, и задается вопросом о том, можно ли прийти от них к понятию «общему» или «глобальному» [Ricoeur, 1992: 29-42].

Первый «очаг», являющийся основанием одного из «региональных» понятий

— медицина, в которой кризис является той минутой болезни, когда проявляется ее «скрытая паталогичность» и решается вопрос, произойдет выздоровление или нет.

Вторым очагом является область психофизиологического развития, где это понятие используется не для того, чтобы с его помощью выразить угрозу какой-то катастрофы, а для того, чтобы подчеркнуть те периоды развития, которые отличаются повышенным неравновесием и уязвимостью (например, взросление). Третий случай, обозначаемый как «космополитная» модель, касается рассуждений о кризисе на уровне мировой политической истории. Четвертая, «эпистемологическая» модель связана с развитием в области науки (в трактовке Куна речь идет о парадигматическом кризисе).

Пятый случай — это экономическое понятие. Именно экономический кризис, отличающийся автономностью, периодичностью и глобальным характером, по мнению Рикера, представляет собой один из основных импульсов для развития общей теории кризиса. Сам автор на основании анализа приходит к такому обобщающему понятию, в котором кризис определяется как «патология процесса темпорализации истории», которая «состоит в дисфункции нормальных отношений между горизонтом ожидания и зоной опыта» [там же: 42].

В этой связи уместно вспомнить мысль Кнута Борхардта (вдохновленного Марксом), что полезно различать кризисы «в себе» и кризисы «для себя» [Borchardt, 1992: 105]. Кризисы «в себе» — это объективная реальность, которую люди (пока) не осознают, в то время как кризис «для себя» — это уже ситуация, в которой его проявления становятся составной частью человеческого опыта и самовосприятия. Добавим, что, однако же, в рамках этого

самовосприятия кризис может рассматриваться разными способами: он может восприниматься как «предупреждение» (в том смысле, что нужно что-то сделать, чтобы избежать самого плохого, т.е. катастрофы или коллапса); как «злокачественное заболевание», которое нужно лечить, чтобы прожить в здравии; как «доброкачественное заболевание», которое нет смысла лечить, а нужно им переболеть, чтобы укрепить иммунитет нашего «организма»; а также как «рок», против которого бесполезно что-то предпринимать. Для сознания кризиса характерно чувство угрозы или даже страха перед гибелью. Мысль о кризисе часто бывает связана с минутой удивления, т.к. минуты кризиса обычно проявляются внезапно, неожиданно и с сильной интенсивностью. Это вызывает острую необходимость поиска решения, которая, тем не менее, связана с чувствами нехватки времени и неуверенности.

Попытки разрешения кризисных ситуаций могут иметь форму вмешательства, которое касается их настоящих источников и проблем и пытается их каким-либо образом преодолеть, однако случается и то, что, в особенности в случае политических кризисов, ведутся поиски их «запасных» решений. Льюис Козер в этой связи говорит о «ненастоящих» или «нереалистических» конфликтах, которые могут проходить двумя способами [Coser, 1965: 57-66].

В первом случае используется то, что Козер называет «вентилирующей» институцией. Их задача — способствовать поддержанию системы при помощи ослабления чрезмерного давления, происходящего из вражеских и агрессивных эмоций, таким образом, чтобы перенести его в другую область, например в область драматического массового зрелища или область сатиры и шутки, в которых может происходить релаксация без каких-либо серьезных последствий.

Второй способ решения нереалистических конфликтов, называемый методом «козла отпущения», влечёт за собой значительно более пагубные последствия. В данном случае конфликтная ситуация протекает так, что вражеские эмоции оборачиваются против «замещающего» объекта в форме определенной группы людей, которых называют виновниками и на которых срывается злость. Таким «козлом отпущения» обычно становятся этнические меньшинства или религиозные группы.

Плюрализм рамок толкования

Взгляд на кризисы, катастрофы и коллапсы в историко-социологическом исследовании обусловлен тем, в какие рамки толкования заключаются проблемы, связанные с этими понятиями, а также тем, в какой теоретической и пространственно-временной взаимосвязи о них рассуждают. Все названные понятия можно отнести к общей концепции социальных изменений. То, как в контексте различных концепций рассматривается и интерпретируется сама проблема социальных изменений, в значительной степени определяет и дифференцирует и способ восприятия, а также использования данных понятий.

Морин Т. Холлинан, задавая провокационный вопрос, можно ли вообще развить теорию социальных изменений, приводит три аргумента, которые могли бы прозвучать из уст тех, кто отрицает такую возможность [Hallinan, 2000: 181].

Первый аргумент раздается из уст исторических релятивистов, которые утверждают, что те выводы, которые можно сделать из анализа определенного конкретного исторического события, нельзя обобщить и использовать для объяснения других конкретных событий, т.к. они никогда не происходят при идентичных условиях. Вторым аргументом оперирует мыслью, согласно ко-

торой каждое социальное изменение представляет настолько комплексное явление, что практически невозможно принять во внимание все значимые отношения, которые могут повлиять на причины и процесс изменений. Третий аргумент касается того, что формулу изменений, которая обычно содержится в соответствующей теории, нельзя вывести непосредственно из самих фактов, которыми оперирует историческая наука и что она всегда является результатом определенного интеллектуального воображения.

Из приведенных примеров видно, что аргументы против теоретизирования о социальных изменениях раздаются в основном со стороны исторической науки. Социология же, наоборот, с самого своего начала считала исторический взгляд своего рода узким, ограниченным описанием и лишенным стремления к обобщению.

Если не принимать во внимание хронологию того, каким образом появлялась и снова исчезала тема социальной динамики и изменений в истории социологического мышления, то можно констатировать, что с точки зрения принципов трактовки выделяется несколько типов теорий социальных изменений. Первым типом являются циклические теории, которые предполагают, что в своем развитии социальные изменения следуют по кругу. Второй тип представляют теории, в которых подчеркивается аспект дисконтинуальности, которая может иметь характер революционного скачка или перелома. Третий тип представляют теории линейного, непрерывного развития, которые по большей части (однако не всегда) связаны с идеей эволюции.

Теории циклического развития и изменений развиваются в двух основных вариантах. Первый вариант, рассматривая историю монистическим образом, предполагает, что она представляет собой единое течение, внутренне разделенное

на периоды, которые повторно возвращаются. Второй вариант рассматривает историю плюралистическим образом: история не едина, она формируется благодаря существованию отдельных культур или цивилизаций, каждая из которых проходит по пути своего собственного развития, следуя по кругу, ведущему от зарождения, через стадию зрелости, к упадку и исчезновению. Первый вариант можно продемонстрировать на примере теории круговорота элит итальянского социолога Вильфреда Парето [Pareto, 1968], а также при помощи концепции смены культурных суперсистем, сформулированной Питиримом Сорокиным [Sorokin, 1937–1941]. Второй вариант представлен подходом немецкого философа Освальда Шпенглера [Spengler, 2011], а в особенности монументальным двенадцатитомным трактатом «Постижение истории» британского историка Арнольда Джозефа Тойнби [Toynbee, 1934–1961]. В обоих вариантах циклических теорий у кризиса есть свое важное место. В первом случае он связан с ситуацией, которая предшествует переходу в другую фазу развития (см. [Sorokin, 1948: 10–20]), во втором случае — с переходом к упадочной, декадентской фазе исторического цикла, направленного к исчезновению.

К теориям, в которых подчеркивается аспект дисконтинуальности, которая может обладать характером революционного скачка или перелома, относятся марксизм и некоторые развивающие его концепции исторической социологии [Moore, 1966; Skocpol, 1979]. Однако с концепциями революций и переломов в развитии можно встретиться и в некоторых других подходах. Примером может послужить постструктурализм Мишеля Фуко [Foucault, 1987], который рассуждает об исторических разрывах, а также теория научных

революций Томаса Куна [Kuhn, 1997]. Во всех этих случаях кризис является тем, что оповещает о конце одного исторического периода и оглашает приход нового, качественно иного периода.

Теории линейного развития подчеркивают непрерывный ход истории, которая протекает линейным образом. Изменения в данном случае обычно воспринимаются как процесс и результат сдвигов, постепенно приводящих к нарастанию или убыванию в определенной области или в прослеживаемом параметре.

На теории данного типа в XIX и в первой половине XX в. в значительной степени повлияла мысль о том, что человеческая история обладает восходящим развитием и следует по пути прогресса. Данному представлению соответствовала первоначальная теория эволюции, которая родилась в XIX в.

В рамках социологического мышления можно выделить классический эволюционизм, который представлен Гербертом Спенсером и Эмилем Дюркгеймом, и неэволюционизм, особенно развивавшийся в рамках структурного функционализма и системной теории (Нейл Смелзер, Толкотт Парсонс, Никлас Луман). С перспективы теории эволюции тему кризиса в своей книге рассматривает Манфред Пришинг. Этот автор связывает эволюцию с проблемой необходимости общественного равновесия и адаптации в смысле приспособления к жизненным условиям, в которых находится общество, а кризис в этом контексте он рассматривает как «адаптационный дефицит» [Prisiching, 1986: 66]. Воспринимаемое таким образом понятие кризиса, в свою очередь, относится к самым разнообразным общественным явлениям, таким как экономический и финансовый кризис, экологический кризис, кризис роста, кризис социального государства, кризис государственного

управления, кризис легитимности и кризис идентичности.

Помимо различных понятий теории социальных изменений важную роль в подходах к проблематике кризиса, катастрофы и коллапса играет также точка зрения пространственно-временных рамок. Французский историк Фернан Бродель констатирует, что в многообразии времен, которое раскрывает изучение истории, можно выделить: а) краткие временные процессы, «*courte durée*», связанные с индивидуальными судьбами и отдельными событиями; б) циклические процессы, примером которых могут послужить экономические циклы («конъюнктуры»); в) (очень) длительные периоды времени – «*longue durée*» [Braudel, 1972: 189-215].

По аналогии с тремя типами времени в последующем можно различить и три разных скорости исторического движения: а) быстрое движение, относящееся к хронологии («*temps individuel*», in: «*histoire événementielle*»); б) более медленный, но все еще видимый ритм, относящийся к переменам в политической, культурной и экономической системе («*temps social*», in: «*histoire conjoncturelle*»); в) практически невидимое течение «геоистории», т.е. история отношений между человеком и его средой («*temps géographique*», in: «*histoire structurelle*»); история как бы без движения, история постоянного повторения и неустанно возвращающихся циклов [Baert, 1992: 42]. Броделя позже дополняет Иммануил Валлерстайн, который подчеркивает, что время и пространство нельзя анализировать отдельно, потому что у каждого времени есть свое место, а у каждого места есть свое время, поэтому определенные виды времени и пространства связаны друг с другом.

Валлерстайн создает концепцию пяти разных видов пространства-времени: I. «Эпизодично-геополитическое про-

странство-время»; II. «Конъюнктурно-идеологическое пространство-время»; III. «Структуральное пространство-время»²; IV. «Вечное пространство-время»³; V. «Трансформаторное пространство-время»⁴ [Wallerstein, 2000].

То, что важно в обеих типологиях, как у Броделя, так и у Валлерстайна, – это то, что разные исторические события, включая кризисы, катастрофы или коллапсы, можно рассматривать с различных перспектив, которые раскрываются на разных уровнях времени или пространства-времени. С каждой из этих перспектив на изучаемые события открывается несколько другой взгляд. В то время как с перспективы «*histoire événementielle*» мы видим кризис как определенное историческое событие или череду событий, с точки зрения взгляда

² Понятие Валлерстайна «эпизодично-геополитического», «конъюнктурно-идеологического» и «структурального пространства-времени» соответствует представлению Броделя о различной динамике исторических движений, которые происходят на уровне «*histoire événementielle*», «*histoire conjoncturelle*» и «*histoire structurelle*».

³ На идею вечного пространства-времени Валлерстайна, безусловно, оказала влияние концепция Питирима Сорокина, который в своем труде «*Sociocultural Causality*» (с 1943 г.) рассуждает о трех уровнях социокультурного времени, которые, вдохновленный средневековыми философами, он обозначает выражениями «*tempus*» (время), «*aevum*» (век), «*aeternitas*» (вечность) [Sorokin, 1964: 216]. «*Tempus*» относится к таким явлениям, которые находятся в потоке изменений. Область «*aevum*» связана с большинством социокультурных реалий, правд и ценностей, в случае которых предполагается, что они будут (как «полувечные») действовать неопределенно длительное время. «*Aeternitas*» представляет собой уровень, на котором находятся вечные реалии, правды, чистые значения и ценности; это свет их вечного, неизменного, вневременного бытия.

⁴ Трансформаторное пространство-время связано с вопросом: есть ли и каким образом существуют исторические переходы, революции или моменты выбора? Автор констатирует, что «трансформаторное пространство-время» связано с концепцией «структурального пространства-времени», т.к. оно может появиться только в том случае, если существуют структуры развития, ведущие к разветвлению с неясным окончанием. На этом месте возникает вопрос, действительно ли дискутируемое событие является тем моментом, в котором происходит такое разветвление. И если это так, то какие исторические альтернативы есть у этой системы?

«*histoire conjoncturelle*» тот же кризис может представляться в другом свете, а именно как составная часть более широкого целого длительно проходящих циклов развития взлетов и падений. Наконец, с перспективы «*histoire structurelle*» данное событие можно рассматривать еще несколько иначе: либо как проявление определенного, длительно повторяющегося структурального образца, либо, наоборот, как момент, в котором нарушается существующее развитие и обращается к установлению иного образца, другой структуры.

Сам Валлерстайн продемонстрировал эту проблему на примере распада Советского Союза [там же: 114-116]. На уровне «*histoire événementielle*» мы можем рассматривать его как цепную реакцию определенных исторических событий, которые были детально проанализированы уже в целом ряде исследований. Тем не менее на уровне «*histoire conjoncturelle*», а «*histoire structurelle*» в данном случае предоставляется не одна, а сразу несколько возможностей одновременно, а именно в зависимости от того, каких объяснительных рамок («структурального пространства-времени») мы будем придерживаться.

Ими может стать: а) историческое развитие мировой экономической системы (выраженное при помощи категорий «центр», «периферия» и «полупериферия»); б) история той части света, которая стала на путь модернизационного развития; в) или той части, которая индустриализировалась; г) а также пространство-время, определенное религиозно-культурным образом (Константинополь, Византия, Москва). Однако в то же время появляются и такие подходы, которые основываются на предположении о «вечном пространстве-времени», а они рассматривают развал СССР как неизбежное событие, которому предшествовала, по сути, тщетная попытка противостояния естественной человеческой склонности к

частной собственности. И наконец, можно также рассуждать о рамках «трансформаторного пространства-времени», которое, по мнению Валлерстайна, связано с концепцией структурального пространства-времени, т.к. оно возникает только тогда, когда существуют структуры развития, которые ведут к разветвлению (бифуркации) с неопределенным окончанием. В таком случае нужно спросить себя, действительно ли дискутируемый вопрос является тем моментом, в котором происходит такое разветвление, и какие исторические альтернативы могут последовать за ним.

Заключение

Позиция представителей отдельных социальных наук по отношению к проблематике кризисов, безусловно, не является идентичной. Специфичной в этом смысле является в особенности экономика, в рамках которой кризисы изучались еще с половины XIX в. [de Soto, 2009]. Однако, как обращает наше внимание Кнут Борхардт, периодичность, с которой возникают кризисы в капиталистической экономике, в глазах многих экономистов, лишила это явление характера чего-то необычного.

С перспективы циклического развития кризис кажется чем-то, что, по сути, является «таким же нормальным», как и каждая другая фаза цикла [Borchardt, 1992: 95]. Кроме того, многие теоретики приписывают ему оздоровительный характер, благодаря которому последующий процесс может направиться к новой восходящей фазе, конъюнктуре. Исключение в этом смысле составлял мировой экономический кризис 1929 г., который проходил иначе, чем его предшественники, и отличался небывалыми деструктивными последствиями [Smiley, 2009; Vodička, 2009]. Борхардт в этом контексте предостерегает от преувеличенного оптимизма и надежды на функциональность экономических кризисов. Он подчеркивает, что кризисы необходимо изучать

и извлекать из них знания, которые могут послужить для «корректировки структуральных диссонансов» [Borchardt, 1992: 104].

В этой связи ключевым на сегодняшний день представляется вопрос о том, какой характер и значимость нужно придавать современным проявлениям экономического кризиса [Foster – Magdoff, 2009; Varoufakis, 2013; Lynn, 2013]. Идет речь об одной из множества нисходящих фаз в рамках повторяющихся экономических циклов? Или характер этого кризиса другой, более глубокий и значительный? Одним из тех, чье мнение раздается в дискуссии на эту тему, является Петр Робейшек, который считает, что недавний кризис финансовой индустрии был лишь «антрактом в обостряющемся глобальном кризисе». В поддержку этого тезиса он приводит четыре важных довода: 1. Усиливается тенденция к созданию слишком больших экономических целых (конгломератов фирм), которые невозможно демократическим образом эффективно регулировать. 2. Авторитарные режимы сегодня «способны продвигать свой экономический потенциал более эффективно, чем западные демократии». 3. В развитых западных странах «длительное время уменьшается количество рабочих мест, которые прокормят в среднем одаренных людей», которые, таким образом, теряют надежду на сохранение существующего жизненного уровня. 4. «Развивающиеся страны не могут ни при помощи разделения труда, ни развитых экономик достичь западного уровня благосостояния» [Robejšek, 2010: 38-41].

Еще более радикальными в своих прогнозах являются Иммануил Валлерстайн, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Георгий Дерлугьян и Крейг Калхун [Wallerstein – Collins – Mann – Derluigian – Calhoun, 2013: 163-192]. Данные авторы констатируют, что в современном мире свет оказался в конце среднедолгой исторической

фазы, которая берет свое начало в кризисе 1970-х гг. Они сходятся на том, что мы вступили в бурный и темный период истории, о котором можно предполагать, что он продлится несколько десятков лет и с большой вероятностью приведет к значительным структуральным изменениям во всемирном масштабе. Они считают, что при этом можно рассматривать минимально три альтернативы развития: одной из них является конечный кризис капитализма как мировой системы; второй является упадок прежних капиталистических гегемонов и их замещение новыми; третью альтернативу представляет экологический шок глобальных размеров, вызывающий другие последующие изменения [там же: 178].

По мнению данных авторов, можно ожидать, что системный кризис таких размеров будет сеять разрушения и стимулировать насильственные действия. Поэтому

уже сейчас необходимо обдумывать возможности коллективных стратегий того, как справляться с такими ситуациями и предупредить насильственные действия.

Добавим, что перечисленные мнения представляют только часть целого ряда диагнозов, с которыми можно встретиться в современных полемиках. В частности эти диагнозы нередко отличаются, однако важно то, что многие из них подсказывают, что проблемы, перед которыми мы стоим, очевидно, более глубокие, чем мы часто готовы допустить. А это может быть опасным, т.к. если современная фаза развития модерна связана с предпосылкой рефлексивности (рефлексивной модернизации), то недостаточная и неадекватная рефлексия происходящих процессов может стать тем, что своей специфической лептой способствует тому, что кризис может стать предвестником краха, т.е. коллапса.

Литература

1. Baert, P. 1992. „Time, Self and Social Being: Temporality within a social context.“ Avebury: Aldershot.
2. Bárta, Miroslav – Kovář, Martin a kol. 2011. *Kolaps a regenerace: Cesty civilizací a kultur*. Praha: Academia.
3. Beck, Ulrich 1999. *World Risk Society*. Cambridge: Polity Press.
4. Beck, Ulrich 2004. *Riziková společnost: Na cestě k jiné moderně*. Praha: Sociologické nakladatelství.
5. Borchardt, Knut 1992. „Proměny v přemýšlení o hospodářských krizích.“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 94-113.
6. Braudel, Fernand 1972. „Geschichte und Sozialwissenschaften – Die „longue durée“.“ In: Wehler, Hans-Ulrich (ed.) *Geschichte und Soziologie*. Köln: Kiepenheuer – Witsch, s. 189-215.
7. Buchanan, Mark 2004. *Všeobecný princip: Věda o historii*. Praha: Baronet.
8. Burckhardt, Jacob 1971 (1873). *Úvahy o světových dějinách*. Praha: Melantrich.
9. Coser, Lewis A. 1965. *Theorie sozialer Konflikte*. Neuwied: Luchterhand.
10. Diamond, Jared 2008. *Kolaps: Proč společnosti zanikají či přežívají*. Praha: Academia.
11. Foster, John Bellamy – Magdoff, Fred 2009. *Velká finanční krize: příčiny a následky*. Všeň: Grimmus.
12. Foucault, Michel 1987. *Slová a věci: Archeológia humanitných vied*. Bratislava: Pravda.
13. Friedmann, Georges 1937. *Krise pokroku*. Praha: Mánes.
14. Giddens, Anthony 2000. *Unikající svět: Jak globalizace mění náš život*. Praha: Sociologické nakladatelství.
15. Hallinan, Maureen T. 2000. „Die soziologische Analyse des sozialen Wandels.“ In: Bögenhold, Dieter (ed.), *Moderne amerikanisme Soziologie*. Stuttgart: Lucius & Lucius, s. 177-197.
16. Husserl, Edmund 1972. *Krise evropských věd a transcendentální fenomenologie*. Praha: Academia.
17. Koselleck, Reinhart 1992. „Některé otázky spojené s dějinami pojmu „krize“.“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 47-57.
18. Koselleck, Reinhart 2006. *Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

19. Kuhn, Thomas Samuel, 1997. *Struktura vědeckých revolucí*. Praha: OIKOYMENH.
20. Lay, Rupert 1980. *Krisen und Konflikte: Ursachen, Ablauf, Überwindung*. München: Wirtschaftsverlag Langen-Müller/Herbig.
21. Lynn, Matthew 2013. *The Long Depression: The Slump of 2008 to 2031*. Cranbrook: Endeavour Press.
22. McAnany, Patricia A. – Yoffee, Norman 2010. *Questioning Collapse: Human Resilience, Ecological Vulnerability, and the Aftermath of Empire*. New York: Cambridge University Press.
23. Moore, Barrington, 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. London: Allen Lane.
24. Pareto, Vilfredo 1968. *The Rise and Fall of the Elites*. Totowa (New Jersey): The Bedminster Press.
25. Perrow, Charles 1984. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. New York: Basic Book.
26. Prisching, Manfred 1986. *Krisen: Eine soziologische Untersuchung*. Wien: Hermann Böhlau Nachf.
27. Ricoeur, Paul 1992. „Je krize jevem specificky moderním?“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 29-46.
28. Robejšek, Petr, 2010. „Historie se neopakuje!“ In: *Kavárna, MF Dnes*, 7. 8. 2010, s. 38-41.
29. Simmel, Georg 1983. *Philosophische Kultur: Über das Abenteuer, die Geschlechter und die Krise der Moderne (Gesammelte Essays)*. Berlin: Wagenbach.
30. Smiley, Gene 2009. *Nový pohled na velkou hospodářskou krizi*. Praha: Wolters Kluwer.
31. Skocpol, Theda 1979. *States nad Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Sorokin, Pitirim A. 1937-1941. *Social and Cultural Dynamics*. New York: American Book Company.
33. Sorokin, Pitirim A. 1948 (1942). *Krise našeho věku*. Praha: Tiskařské a vydavatelské družstvo československého obchodnictva v Praze.
34. Sorokin, P.A. 1964 (1943). *Sociocultural Causality, Space, Time: A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science*. New York: Russell-Russell INC.
35. de Soto, Jesús Huerta 2009. *Peníze, banky a hospodářské krize*. Praha: ASPI.
36. Spengler, Oswald 2011. *Zánik západu: Obrisy morfologie světových dějin*. Praha: Academia.
37. Tainter, Joseph A. 2009 (1988). *Kolapsy složitých společností*. Praha: Dokořán.
38. Taylor, Graeme 2008. *Evolutions Edge: The Coming Colapse and Transformation our World*. Gabriola Island (Canada): New Society Publishers.
39. Thom, René 1989. *Structural Stability and Morphogenesis: An Outline of a General Theory of Models*. Reading (MA): Addison-Wesley.
40. Thom, René 1992. „Krise a katastrofa.“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 23-28.
41. Toynbee, Arnold J. 1934-1961. *Study of History I-XII*. Oxford: Oxford University Press.
42. „Úvodem.“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 5-7.
43. Varoufakis, Yanis 2013. *Globální Minotaurus: Amerika, Evropa, krize a budoucnost globální ekonomiky*. Praha: Rybka Publishers.
44. Vodička, Milan 2009. *Den, kdy došly prachy*. Praha: Práh.
45. Wallerstein, Immanuel 2000. „Der ZeitRaum der Weltsystemanalyse.“ In: Bögehold, Dieter (ed.), *Moderne amerikanische Soziologie*. Stuttgart: Lucius & Lucius.
46. Wallerstein, Immanuel – Collins, Randall – Mann, Michael – Derluguian, Georgi – Calhoun, Craig 2013, *Does Capitalism Have a Future?* Oxford, New York: Oxford University Press.

Reflections on the concept “crisis”

Jiří Šubrt – Ph.D., Associate Professor, Charles University in Prague, Faculty of Humanities, Head of the Department of Historical Sociology (Prague, Czech Republic, Jiri.subrt@fhs.cuni.cz)

Abstract. In the preface to the book “The Crisis of Our Age” its author Pitirim Aleksandrovich Sorokin argues that “every important aspect of the life, organization and the culture of Western society is in extraordinary crisis”. And he continues his words of prophecy: “Its body and mind are sick and there is hardly a spot on its body which is not sore” [Sorokin, 1948 (1942): 7]. Sorokin, of course, was not the only one who perceived their modernity as being in a crisis. T.G. Masaryk wrote about many aspects of the “crisis” of his time in the late 19th century. Georg Simmel studied the crisis of culture in the beginning of the 20th century [Simmel, 1983]; Sigmund Freud warned about the dangerous potential of human destructiveness, Oswald Spengler announced the “decline of the West” [Spengler, 2011], and Joseph Alois Schumpeter argued that cyclical manifestations of economic crises¹ relate to the economy like heartbeat to a living organism. While Adolf Hitler was consolidating his power, Edmund Husserl [Husserl, 1972] lectured on “the crisis of the European Sciences”, and Georges Friedmann spoke about the “crisis of progress” [Friedmann, 1937]. The subject of “crisis” is still relevant and it continues to hold a special position in the context of the social sciences after World War II, when political and international crises become a frequently discussed issue. Since the 1970s the energy crisis and environmental crisis have been widely discussed. The late 1980s witnessed the collapse of the socialist system, and the onset of postmodernism emphasizes the issue of identity crisis. And that is not all: the warnings and critical visions of that time are highlighted also due to other concepts, which easily become an integral part of the conceptual luggage of social scientists from many countries – the concepts of “risk”, “catastrophe” and “collapse”.

Key words: concept of crisis, manifestations of crisis situations, cycles of development, crisis in society, theories of social change, resolution of crisis situations.

References

1. Baert P. *Time, Self and Social Being: Temporality within a Social Context*. Avebury: Aldershot, 1992.
2. Bárta M., Kovář M. et al. *Kolaps a regenerace: Cesty civilizací a kultur*. Praha: Academia, 2011.
3. Beck U. *World Risk Society*. Cambridge: Polity Press, 1999.
4. Beck U. *Riziková společnost: Na cestě k jiné moderně*. Praha: Sociologické nakladatelství, 2004.
5. Borchardt K. Proměny v přemýšlení o hospodářských krizích. In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, 1992. Pp. 94-113.
6. Braudel F. Geschichte und Sozialwissenschaften – Die “longue durée”. In: *Geschichte und Soziologie* Ed. by H.-U. Wehler. Köln: Kiepenheuer – Witsch, 1972. Pp. 189-215.
7. Buchanan M. *Všeobecný princip: Věda o historii*. Praha: Baronet, 2004.
8. Burckhardt J. *Úvahy o světových dějinách*. Praha: Melantrich, 1971 (1873).
9. Coser L.A. *Theorie sozialer Konflikte*. Neuwied: Luchterhand, 1965.
10. Diamond J. *Kolaps: Proč společnosti zanikají či přežívají*. Praha: Academia, 2008.
11. Foster J.B., Magdoff F. *Velká finanční krize: příčiny a následky*. Všeň: Grimmus, 2009.
12. Foucault M. *Slová a věci: Archeologie humanitních věd*. Bratislava: Pravda, 1987.
13. Friedmann G. *Krise pokroku*. Praha: Mánes, 1937.
14. Giddens A. *Unikající svět: Jak globalizace mění náš život*. Praha: Sociologické nakladatelství, 2000.
15. Hallinan M.T. Die soziologische Analyse des sozialen Wandels. In: *Moderne amerikanisme Soziologie*. Ed. by D.Bögenhold. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000. Pp. 177-197.

¹ The French economist Clément Juglar was the first to discover and describe economic cycles in the 1860s.

16. Husserl E. *Križe evropských věd a transcendentální fenomenologie*. Praha: Academia, 1972.
17. Koselleck R. Některé otázky spojené s dějinami pojmu “krize”. In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, 1992. Pp. 47-57.
18. Koselleck R. *Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006.
19. Kuhn T.S. *Struktura vědeckých revolucí*. Praha: OIKOYMENH, 1997.
20. Lay R. *Krisen und Konflikte: Ursachen, Ablauf, Überwindung*. München: Wirtschaftsverlag Langen-Müller/Herbig, 1980.
21. Lynn M. *The Long Depression: The Slump of 2008 to 2031*. Cranbrook: Endeavour Press, 2013.
22. McAnany P.A., Yoffee N. *Questioning Collapse: Human Resilience, Ecological Vulnerability, and the Aftermath of Empire*. New York: Cambridge University Press, 2010.
23. Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. London: Allen Lane, 1966.
24. Pareto V. *The Rise and Fall of the Elites*. Totowa (New Jersey): The Bedminster Press, 1968.
25. Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. New York: Basic Book, 1984.
26. Prisching M. *Krisen: Eine soziologische Untersuchung*. Wien: Hermann Böhlau Nachf, 1986.
27. Ricoeur P. Je krize jevem specificky moderním? In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, 1992. Pp. 29-46.
28. Robejšek P. Historie se neopakuje!?. In: *Kavárna, MF Dnes, 7. 8.* 2010. Pp. 38-41.
29. Simmel G. *Philosophische Kultur: Über das Abenteuer, die Geschlechter und die Krise der Moderne (Gesammelte Essays)*. Berlin: Wagenbach. 1983.
30. Smiley G. *Nový pohled na velkou hospodářskou krizi*. Praha: Wolters Kluwer, 2009.
31. Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
32. Sorokin P.A. *Social and Cultural Dynamics*. New York: American Book Company, 1937–1941.
33. Sorokin P.A. *Krise našeho věku*. Praha: Tiskařské a vydavatelské družstvo československého obchodnictva v Praze, 1948 (1942).
34. Sorokin P.A. *Sociocultural Causality, Space, Time: A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science*. New York: Russell-Russell INC, 1964 (1943).
35. De Soto J.H. *Peníze, banky a hospodářské krize*. Praha: ASPI. 2009.
36. Spengler O. *Zánik západu: Obrisy morfologie světových dějin*. Praha: Academia, 2011.
37. Tainter J.A. *Kolapsy složitých společností*. Praha: Dokořán, 2009 (1988).
38. Taylor G. *Evolutions Edge: The Coming Collapse and Transformation our World*. Gabriola Island (Canada): New Society Publishers. 2008.
39. Thom R. *Structural Stability and Morphogenesis: An Outline of a General Theory of Models*. Reading (MA): Addison-Wesley. 1989.
40. Thom R. Krize a katastrofa. In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, 1992. Pp. 23-28.
41. Toynbee A.J. *Study of History I-XII*. Oxford: Oxford University Press, 1934–1961.
42. Úvodem. In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV. Pp. 5-7.
43. Varoufakis Y. *Globální Minotaurus: Amerika, Evropa, krize a budoucnost globální ekonomiky*. Praha: Rybka Publishers, 2013.
44. Vodička M. *Den, kdy došly prachy*. Praha: Práh, 2009.
45. Wallerstein I. Der ZeitRaum der Weltsystemanalyse. In: *Moderne amerikanische Soziologie*. Ed. by D. Bögehold. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000.
46. Wallerstein I., Collins R. Mann M., Derluquian G., Calhoun C. *Does Capitalism Have a Future?* Oxford, New York: Oxford University Press, 2013